

УДК 94(4)''10/12'':008(045)

*А.К. Гладков***КУЛЬТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДЕ (XI–XIII ВЕКА)**

В статье, отражающей опыт работы над вузовским учебником «Истории Средних веков», анализируется развитие интеллектуальной культуры средневекового Запада, философских и богословских учений, литературных жанров и стилей и в целом духовной жизни XI–XIII вв. Автор опирается на широкий круг оригинальных источников, а также научные исследования российских и зарубежных медиевистов, и рассматривает основные тенденции эволюции культуры, искусства, литературы, права и религиозности в рамках единого процесса «духовного возрождения» средневековой Западной Европы. В статье изложены взгляды представителей средневековой схоластики: Ансельма Кентерберийского (1033–1109), Гуго Сен-Викторского (1096/1097–1141), Петра Абеляра (1079–1142), мыслителей Шартрской школы, Альберта Великого (1200–1280), Фомы Аквинского (1225–1274) и др.

Ключевые слова: средневековая культура, схоластика, философские теории, латинская литература, богословие.

Перед каждым вузовским преподавателем, читающим лекции по истории западноевропейского Средневековья, возникает необходимость подготовки обзорного курса, посвященного анализу многообразных интеллектуальных и духовных традиций «латинского мира». Предлагаемая вниманию читателей статья, отражающая опыт работы над учебником по истории Средних веков и не претендующая, естественно, на полноту и всеобъемлющий характер, очерчивает контуры развития культуры средневекового Запада (XI–XIII вв.) и дает общие представления о стиле жизни и мышления наиболее ярких ее деятелей.

Синкретичная по своей природе картина мира человека эпохи Средневековья, совмещавшая принципы христианского вероучения и пережитки язычества, представляет собой комплекс разнообразных идей, отражающих специфическое для людей прошлого видение фундаментальных составляющих социального бытия: времени и пространства, греха и добродетели, ада и рая, Страшного суда и посмертной судьбы души. Время, соотносимое со сменой дня и ночи, сезонов, с календарем церковного богослужения, христианскими праздниками и особенностями трудовой деятельности, занимало заметное, но не ведущее место в «системе координат» средневекового человека. Темпоральный элемент символизировал бренность человеческого бытия, а потому противопоставлялся вечности. Принадлежащее Богу время, как ограниченная физическими рамками «протяженность» (от рождения до смерти, от Сотворения мира до его конца), воспринималось в Средние века двояко. С одной стороны, оно было «прямолинейным», определяя путь, ведущий человека к неизбежному завершению его жизни; а с другой, – «циклическим», замыкающим начало и конец биографии индивида. Несмотря на присутствие в латинских текстах различных темпоральных «категорий» (эра, эпоха, век, год), время практически не подвергалось точному измерению и в глазах широкой массы населения оставалось абстрактным и неделимым (в Средние века представление о секундах не имело практического значения). Преходящий характер времени побуждал людей Средневековья, надеявшихся на обретение после смерти блаженной жизни, обращаться к вечности – бесконечному бытию, в котором души христиан соединятся с Создателем. Пространство, наряду со временем важный компонент получила мировосприятия человека эпохи Средневековья, активно осваивалось (пахотные земли, леса, пастбища) и измерялось (правда, недостаточно точно) [1; 2]. Видение мира совмещало в себе реальное и фантастическое: не только отражало практическое знание человека об окружающих территориях, но и содержало легендарные и мифологические сюжеты о неведомых землях, населенных разного рода чудовищами. Такая двойственность получила продолжение в средневековой картографии и в произведениях, посвященных путешествиям, наложив определенный отпечаток на восприятие «другого» (индивидов, социальных, конфессиональных или этнических групп и общностей) как оппозиции «свой»/«чужой».

Суровая повседневность (скудное питание: преимущественно зерновые, овощи, рыба, и сравнительно редкое употребление мяса; изнурительная работа – например, ремесленная (в городе) или сельскохозяйственная – в деревне; болезни и эпидемии, военные разорения и голод) сказывалась на мироощущении средневекового простолюдина, который, благодаря введенному в 1215 г. правилу ежегодного обязательно исповедования грехов, обратился к самопознанию через анализ собственных

мыслей и переживаний. Довлеющее чувство вины, а также страх перед грядущим воздаянием оказали на людей далекого прошлого глубокое психологическое воздействие. Внимая проповедям священников, призывавших к покаянию и исправлению пороков, человек эпохи Средневековья жил в ожидании скорого суда. По истечении отмеренного Богом срока жизни люди должны будут дважды понести ответ за свои деяния: на смертном одре и на Страшном суде; так, в Средние века сложились и утвердились представления о «малой» и «большой» эсхатологиях. Однако желание обрести спасение диктовало необходимость найти в потустороннем мире место, в котором души грешников даже после смерти могли бы, претерпев ограниченные во времени муки, раскаяться и вымолить вечное блаженство. Так в XII в. возникло учение о Чистилище.

Феодальное общество, состоящее, по мнению современников, из «молящихся», «воюющих» и «трудящихся» [4], и нередко воспринимаемое как единое «политическое тело», в действительности не было однородным. Аристократия (крупные магнаты и прелаты церкви), стоявшая на вершине социальной иерархии, управляла обеспечивающим, народом ее жизнь. Ввиду глубокой дифференциации средневековая, культура, ориентированная преимущественно на узкую прослойку общества (политическую, военную, духовную и интеллектуальную элиту), не представляла собой единого явления. Однако в ее недрах, наряду с ученой традицией, существовал уникальный свод идей, представлений и суждений «безмолвствующего большинства», запечатленный в редких письменных памятниках, предметах декоративно-прикладного и изобразительного искусств. При всей спорности употребления термина «народная культура», интерпретируемого либо через анализ смеховых, карнавальных элементов (М. М. Бахтин), либо посредством исследования комплекса устойчивых «категорий» (А. Я. Гуревич), оно достаточно точно передает сущность феномена, в котором на глубинном уровне соединяются принципы христианского вероучения и рудименты язычества, действительность и «историческая память», отсутствует строгое антропологическое и спиритуалистическое разграничение. Простота языка (как народной латыни, так и вольгаре), отличающегося от изысканного, наполненного риторическими оборотами и смысловыми подтекстами «плетения словес» интеллектуалов, безыскусность и некоторая наивность таковы характерные особенности произведений, вышедших из народной среды.

В христианском сознании людей эпохи Средневековья ведущим нравственным ориентиром, законом жизни (“*lex vitae*”) и высшим авторитетом было Священное Писание: в нем они находили не только свод моральных правил и предписаний, но и сумму научного знания, источник антропологических, теологических и космологических представлений. Опираясь на текст «книги книг», латинские авторы развивали концепцию творения «из ничего», которую, особенно в XIII в., – стремились подкрепить обширными выдержками из произведения античных философов. Дошедшую в ряде переводов Библию (Вульгата, «Библия Алкуина» и др.) [5] распространяли в многочисленных рукописных кодексах разного формата (в том числе, с XIII в. «карманного»), снабженных прологами и «таблицами канонов», как краткими глоссами, так и фундаментальными, нередко превышающими объем толкуемой книги, комментариями (“*Glossa ordinaria*”). На протяжении Средневековья предпринимались многочисленные попытки утвердить единую структуру Библии, согласовав отдельные разночтения в переводах и передаче наиболее сложных для понимания мест Писания и установив четкое деление на главы (конец XI – начало XII вв.). В схоластических текстах, опирающихся на принципы библейского анализа, разработанные бл. Иеронимом (ок. 347 – ок. 420) и бл. Августином (354–430), отстаивается теория «четырех смыслов». Ряд латинских экзегетов, прежде всего Андрей Сен-Викторский (ум. в 1175), предложил интерпретировать библейские тексты так, чтобы естественным образом раскрывать особые смысловые уровни Писания: исторический, аллегорический, тропологический и анагогический.

Библия оказала влияние на историописание, определив фундаментальные принципы его повествования (смысловые границы от Сотворения мира до Страшного Суда, учения о «шести состояниях мироздания» и «четырех империях») и политическую мысль, разграничив сферы деятельности священства и царства, а также обосновав теорию «двух мечей». В школах и затем университетах чтение «бог вдохновенных книг» вместе с сопутствующими им глоссами, и последующее комментирование составляли важнейшую часть учебного процесса. Ветхо- и новозаветные сюжеты вдохновляли не только средневековых мистиков, оставивших многочисленные произведения разного жанра (проповеди, плачи, “*exempla*” – назидательные примеры), но и художников, облакавших библейские откровения в материальную форму: скульптурные композиции и витражи – служившие для всех (прежде всего – для простолюдинов, часто не умевших читать) образным напоминанием о грехах и пороках человеческой жизни.

Система средневекового образования, унаследовавшая многие важнейшие принципы и приемы античной педагогической теории, ориентировалась на широкий круг учащихся (от плебеев до аристократов) и предполагала не только получение ими начальных, нередко отрывочных знаний, но и более обстоятельное приобщение к многовековому наследию греко-римского мира. Важной вехой в распространении центров учености и налаживании регулярного преподавания свободных искусств был разработанный в курии Карла Великого «Картулярый о занятиях науками» (“*De litteris colendis*”, 787 г.), в котором обосновывалась необходимость клирикам и мирянам постигать, преумножать и совершенствовать знания. Созданная Алкуином (ок. 730/735 – 804) при монастыре св. Мартина в Туре школа (796 г.) – один из ярчайших примеров успешной реализации на практике новых образовательных стандартов.

В Западной Европе существовало несколько типов школ, преследовавших различные дидактические задачи. В приходской («элементарной») школе слушатели получали первичные представления о латинском языке, приобретали навыки чтения и письма; в школах, основанных при монастырях, церковных кафедрах и в епископских резиденциях, а также в городских центрах учености (носивших, по большей части, светский характер) преподавание учебных дисциплин было поставлено на принципиально иной уровень: там наставляли в грамматике, риторике, диалектике, арифметике, геометрии, астрономии и музыке. Важное место в образовательной иерархии занимали учреждения, готовящие профессиональные кадры для государственного аппарата управления (делопроизводителей и др.), а также для обеспечения жизни церковных приходов (регентов и т. п.). В процессе обучения, состоявшего из ряда последовательных этапов, включавших также публичные диспуты и полемические состязания, утвердились методы насильственного воздействия на школяров ради «искоренения пороков и исправления нравов»; телесные наказания были неотъемлемым элементом средневековой педагогики.

Бурный рост городов стимулировал появление новых и распространение известности старых школ [6; 7; 11]. Интеллектуальные центры славились не только своими магистрами, многие из которых были выдающимися умами Средневековья, но и достижениями в различных областях знания: в Болонье, у Ирнерия, изучали право; в Камбре – математику; в Салерно – медицину; в Орлеане – поэзию; в Меце – музыку; в Шартре – натурфилософию; в Лане и Париже – теологию. Школы Монте-Кассино, Реймса, Тура, Пуатье, Мелена, Утрехта и Кентерберии современники называли «обителями истинной учености».

Опираясь на детальное изучение оригинальных произведений античной культуры (философии, литературы, историографии), пользуясь подробными грамматическими сводами Доната и Присциана, школяры последовательно изучали тривиум (“*trivium*”) и квадравиум (“*quadrivium*”), составлявшие «семь свободных искусств» (“*artes liberales*”) и открывавшие, как писали латинские авторы, путь к постижению богооткровенных истин – теологии. Образовательная модель, унаследованная от Античности и адаптированная к нуждам христианского благочестия, претерпела на протяжении Средневековья ряд изменений, вызванных дискуссиями о ее составе (так, например, некоторые авторы безуспешно предлагали включить историю в тривиум).

Формирование устойчивого канона, связанное с аллегорическим трактатом Марциана Капеллы (до 410 – после 439) «Сатирикон, или О бракосочетании Филологии и Меркурия» и с предложенной Исидором Севильским (ок. 560/570 – 636) классификацией искусств, завершилось к XII в. утверждением новой программы обучения, получившей развернутое обоснование в «Дидаскаликоне» Гуго Сен-Викторского (ок. 1096 – 1141) [12]. Прозванный современниками «вторым Августином», мыслитель сформулировал теорию, согласно которой, как благородные, так и простолюдины способны в познании предметов материального мира обрести высшее знание: для этого одни изучают «свободные искусства», а другие – «механические искусства» (“*artes mechanicae*”): сукноделие, производство орудий (инструментов и оружия), навигацию (и торговлю), сельское хозяйство, охоту, медицину, театральную науку (“*theatrica scientia*”).

Принятая в школах средневековой Западной Европы образовательная модель легла в основу особого интеллектуального феномена, называемого «схоластикой» (от лат. “*schola*” – школа). В данном явлении, отражающем религиозные искания и интеллектуальные устремления латинских мыслителей, соединились античные философские учения (платонизм, аристотелизм, эпикуреизм) и христианские этические и теологические представления. Особенности схоластики, с одной стороны, – идеи принципиального разграничения сфер теологии и философии, с констатацией доминирования первой над второй, главенства веры над разумом; а с другой, – специфическая система рассуждения, воспринявшая принципы логических умозаключений классической Древности.

В истории схоластики выделяются три периода: «ранний» (IX–XII вв.), отражающий начальный этап становления философско-богословского направления, для которого характерны осмысление наследия Боэция (ок. 480 – 524/526), активные дискуссии о предмете и сущности диалектики, натурфилософские изыскания; «развитой» (XIII – начало XIV вв.) – век расцвета университетского образования, споров о применимости аристотелизма к христианской теологии, публичных диспутов о трудах Аверроэса (ок. 1126–1198) и его последователей; и «поздний» (XIV–XV вв.), свидетельствующий о глубоком внутреннем кризисе и необходимости обновления [8].

IX–XII вв. – время горячих споров о сущности универсалий и, особенно, о соотношении веры и разума, а, как следствие, о превосходстве теологии над философией. Если Беренгарий Турский (ок. 999–1088) развивал теорию примата рационального начала над религиозным, то Петр Дамиани (1007–1172), напротив, отстаивал тезис о вторичности разума по отношению к вере, руководящей и направляющей всякую мыслительную деятельность. Промежуточную позицию занял Ансельм Кентерберийский (1033–1109), – выдающийся богослов, философ, архиепископ и Учитель Церкви, прозванный современниками «доктором великолепным» (“*doctor magnificus*”) [8. P. 94-101].

Пройдя путь от приора до примаса английской церкви, Ансельм Кентерберийский, ученик Ланфранка Бекского (ок. 1005–1089), оставил обширное наследие, включающее нескольких десятков произведений (богословских и философских трактатов, молитв, гимнов, гомилий), также более четырех сотен эпистол, адресованных крупнейшим церковным и политическим деятелям Западной Европы вт. пол. XI – нач. XII вв. Исключительное значение для складывания «схоластической науки» имели «Монологион» (*Monologion*, 1078), «Прослогион» (*Proslogion*, 1079), «Об истине» (“*De veritate*”) и «О свободном выборе» (“*De libero arbitrio*”).

Мыслитель, следуя за бл. Августином, развивал идею, согласно которой разум выступал в роли своеобразного инструмента познания, используемого душой для постижения божественного Откровения, а вера – необходимой для любого мыслительного акта основой. Если вера, предшествующая разуму (“*fides praecedit intellectum*”), направляет к Истине, то рациональное начало, обладающее способностью к логическому анализу, призвано лишь уточнять и прояснять. Таким образом, диалектика как «искусство искусств» выступает в роли универсального познавательного средства, зависящего от веры. Отсюда следует знаменитая максима Ансельма Кентерберийского: «Верую, чтобы познать» (“*Credo ut intelligam*”).

Вступившая в пору расцвета западноевропейская культура XII в., иногда именуемая «ренессансом» и «интеллектуальной революцией», стимулировала увеличение интереса к античной философии и словесности (Овидий, Гораций, Вергилий). В школах, возрождавших классические традиции, преподавали крупнейшие мыслители эпохи: Гильом Коншский (ок. 1080 – ок. 1154), Гильберт Порретанский (ок. 1175/1180–1154), Теодорих Шартрский (ок. 1100–1150/1155), Петр Ломбардский (ок. 1095/1100–1160), Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180), Алан Лильский (ок. 1120/1130–1202/1203) и др. Однако особое место в галерее великих магистров принадлежит Петру Абеляру (1079–1142) [8. P. 102-114; 9].

Знаменитый «перипатетик из Пале» (“*peripateticus palatines*”), обучавшийся у Росцелина Компенского (ок. 1045/1050 – после 1120), Гильом из Шампо (ок. 1068–1121), Ансельма Ланского (ок. 1050–1117), Абеляр еще при жизни прослыл бунтарем и ниспровергателем авторитетов. В корпус его творений входят теологические («Введение в богословие», «Богословие Высшего Блага», «Христианское богословие»), философские и экзегетические трактаты, посвященные толкованию Библии («Шестоднев», «Комментарии на Послание к Римлянам») и трудов античных мыслителей (Аристотеля, Порфирия, Боэция), а также гимны, письма, и автобиографическая «История моих бедствий» – ценный источник по организации научной жизни французских школ XII в.

Абеляр был новатором во многих областях знания; значителен его вклад в разработку различных вопросов теологии, философии и этики. Мыслитель ввел понятие «интенция», с помощью которого попытался понять природу как злых, так и добрых поступков, и ответить на вопрос: что движет человеком? По мнению Абеляра, характер и моральная оценка действий людей зависят не столько от их воли, сколько от намерения: состояния души, внутренне расположенной к чему-либо. Следуя данной логике, он предложил пересмотреть католическое учение о «первородном грехе»: Абеляр настаивал на том, что человек, не имеющий естественной склонности к совершению преступления, наследует не грех предков, а лишь наказание за него.

В противоположность Ансельму Кентерберийскому Абельяр развивал тезис о главенстве разума в процессе постижения предметов видимого мира и божественного Откровения, сформулировав собственное жизненное правило: «понимаю, чтобы веровать» (“*Intelligo ut credam*”).

Практической составляющей средневековой интеллектуальной культуры были постоянные диспуты по важнейшим вопросам христианского богословия, литургики и этики; итоги полемики нередко могли повлиять на жизнь и судьбу мыслителя. Наиболее яркий пример – «история бедствий» Петра Абельяра, вступившего в открытое противоборство с всемогущим Бернардом Клервоским (1190–1153) [10. Р. 209-215] и в итоге вынужденного отречься от некоторых положений своего учения о св. Троице; он был обвинен в ереси, а труды его – сожжены.

Развитие схоластики отмечено не только плодотворными дискуссиями о примирении оппозиций вера/разум, но и не менее жаркими, инициированными еще Бозцием, спорами о природе универсалий – общих понятий. «Реалисты» (Гильом из Шампо) учили, что универсалии, имеющее действительное бытие, – вечны, а «номиналисты» (Росцелин Компьенский), напротив, видели в «общих понятиях» лишь внешнюю словесную форму, не обладающую определенным онтологическим статусом. Промежуточную позицию занял Абельяр, построения которого легли в основу т. н. «концептуализма». Суть учения сводится к тому, что универсалии – это не единичные вещи, а лишь общие понятия (концепты), не существующие в объективной реальности и являющиеся плодом умственной деятельности.

Наряду с выявлением истинного характера универсалий, мыслители Средневековья стремились также определить новые горизонты философского поиска: представители Шартрской школы (Теодорих Шартрский, Гильом Коншский и др.) в духе неоплатонической традиции сосредотачивали свое внимание на изучении богословских аспектов проблемы «мировой души», микро- и макрокосмов, распространяли идеи атомизма; они также внесли существенный вклад в разработку средневековой натурфилософии. Аллегорическое изображение природы и провозглашение достоинства и «совершенного бытия» человека в произведениях Алана Лильского и Бернарда Сильвестра («О целокупности мира») повлияли на авторов «Романа о Розе» и на творчество Дж. Чосера. Пантеистическую направленность имели произведения Давида Динантского и Амальрика (Амори) Бенского; склонность к материалистическому объяснению физических явлений заметна, например, в трактатах Блеза Пармского. Научное познание мира соседствовало в Средние века с опытами мистического характера, свойственными для работ Гильома из Сен-Тьерри (ок. 1085–1148), Хильдегарды Бингенской (1098–1179) и Ришара Сен-Викторского (ок. 1123–1173). Благодаря изысканиям представителей Сен-Викторской школы (магистров Гуго и Адама) богословие в XII в. достигло принципиально нового уровня развития. Неповторимой фигурой на интеллектуальном и духовном небосклоне средневековой Европы был аббат Бернард Клервоский – автор большого числа богословских произведений, проповедей, писем; его имя ассоциировалось с укреплением папской теократии и усилением позиций церкви в сфере образования.

Интеллектуальные достижения XII в. заложили фундамент преобразований в области преподавания свободных искусств и теологии, давших новый вид «ученой корпорации». Преобразование ряда кафедральных школ в образовательные центры с более высоким уровнем организации и подготовки кадров (“*studium generale*”) знаменовали их последующую трансформацию в университеты (от лат. “*universitas*” – общность), пользовавшиеся покровительством духовных и светских властей. Они обладали юридической и финансовой автономией, а также своеобразным внутренним устройством и аппаратом управления; отличались как от монастырских, так и от кафедральных школ не только правом присваивать ученые степени (прежде всего “*licentia ubique docendi*”), но и специфической структурой, включающей деление на факультеты (от лат. “*facultas*” – способность), – «свободных искусств» («артистический»), «юридический», «медицинский», «теологический», – и должности (прокуратор, декан и ректор) [6].

В XIII в. университеты возникли в Париже, Оксфорде, Монпелье, Саламанке и других городах Европы; часть из них претендовала на значительно более древнюю историю основания, связанную с правлением легендарных королей прошлого (Альфреда, Карла Великого).

С утверждением нового типа учебного учреждения была установлена иерархия степеней, получаемых слушателями по окончании курса и предоставляющих им ряд прав (в том числе – преподавания). Согласно университетскому «табелю» школяр мог пройти путь от бакалавра и магистра до доктора теологии – высочайшего и наиболее авторитетного звания.

Ряд высших учебных заведений также имел некоторые особенности, определяющие их структуру. Так, кроме факультетов, Парижский университет включал четыре «нации», – «французскую», «нормандскую», «пикардийскую» и «английскую», – отвечавшие за контроль финансовых вопросов, отстаивавшие права студентов, организовывавшие празднества и участвовавшие в управлении учреждением путем избрания прокуратора. Число «наций» варьировалось: если в Парижском университете их было 4, и в Болонском – 12. Особое значение имели «коллегии», первоначально бывшие местом проживания неимущего студенчества, но с течением времени ставшие полноправными учебными центрами внутри университетской корпорации.

Обучение в университете давало слушателям, принесшим клятву *alma mater*, не только престижную степень, возможность получения государственных должностей, но и специальные и утвержденные властью привилегии. Учебный процесс был организован таким образом, что студент сперва слушал лекцию, а затем повторял и комментировал пройденный материал с учетом замечаний магистра; умение выделять в анализируемом тексте самое главное, формулировать вопросы, ставить проблемы и вести диспут – важнейшие составляющие университетского образования.

В XIII в. в Парижском университете разгорелись жаркие споры о применимости аристотелевской философии в ее арабо-мусульманском переложении к христианскому богословию; представители ортодоксального направления схоластики: Альберт Великий (1193 или 1206/1207–1280) и Фома Аквинский (ок. 1225–1274) – последовательно отстаивали «чистоту католического вероисповедования» в борьбе с «латинскими аверроистами»: Сигером Брабантским (ок. 1240 – ок. 1284) и Боэцием Дакийским (ум. до 1284). Уже с XI в. трактаты Стагирита были хорошо известны не только в редких латинских переводах (Герарда Кремонского, Михаила Скота и др.), но и в отдельных комментариях арабских мыслителей, прежде всего – Ибн Рушда (Аверроэса, ок. 1126–1198). Мусульманский перипатетизм проник в Европу (Англию, Францию, Италию) через Испанию, издавна бывшую центром трансляции арабской культуры в латинский мир.

Увеличивающийся в ученой среде интерес к аристотелизму побудил Альберта Великого – автора «Суммы о творениях», «Суммы теологии», «О природе блага» – выступить против не совместимых с католичеством положений учения Стагирита и его арабо-мусульманских последователей. С этой целью мыслитель в 1256 г. написал трактат «О единстве интеллекта против аверроистов», в котором изобличил фундаментальное противоречие в развиваемой «латинскими учениками» Ибн Рушда теории «двойственной истины». Аверроисты утверждали, что существует абсолютный объединяющий всех людей интеллект, предоставляющий им способность познавать мир; если обретенное человеком самоценное и достоверное знание ведет к пониманию одной истины, то иррациональная по своей природе вера может отражать совершенно иную истину. Так была сформулирована теория «двойственной истины», призванная разграничить сферы науки и религии, разума и веры.

К проблеме взаимодействия богословия и философии, классического наследия и христианского Откровения обратился Фома Аквинский – выдающийся мыслитель, автор «Суммы теологии» и «Суммы против язычников», родоначальник особого направления («томизм»), признанного официальным учением католической Церкви. На новом уровне обобщений, с привлечением произведений Аристотеля, античных неоплатоников и Отцов Церкви, он предложил модель, примиряющую веру и разум, теорию познания, декларирующую идею совокупного (научно-религиозного) постижения физического мира, но при этом признающую первичное значение Откровения.

Стремление мыслителей эпохи Средневековья проникнуть в тайну мироздания, постичь законы существования человека и природы и дать единый свод знаний о вселенной вылилось в появление ряда фундаментальных энциклопедических трудов. Среди них выделяются трактаты: «О природах вещей» Александра Неккама (1157–1217), в котором излагаются данные по естественным наукам, медицине, философии «О свойствах вещей» Бартоломея Английского (ок. 1190 – после 1250) [8. Р. 201–220], представляющий собой сумму разнообразных суждений, почерпнутых из произведений античных, христианских, арабо-мусульманских и иудейских мыслителей, и «Великое зеркало» Винсента из Бовэ (ок. 1190 – ок. 1264) – фундаментальная, всеобъемлющая, уникальная по структуре и содержанию, энциклопедия. Особняком «Книга сокровищ» Брунетто Латини (ок. 1220–1294/1295), стоит написанная на французском языке.

В многочисленных попытках обобщения «сокровенного знания» предшественников средневековые авторы обращали особое внимание на важнейшие и актуальные для их времени вопросы естественных наук. Освещались исследования в области техники, опыты в оптике и инженерном деле. Важнейшей

вехой в истории средневековой «экспериментальной науки» (“*scientia experimentalis*”) были изыскания английского философа, математика и естествоиспытателя Роджера Бэкона (ок. 1214–1292), прозванного современниками «удивительным доктором» (“*doctor mirabilis*”). Созданное им «Великое зеркало» – компендиум, в котором изложены сведения о математике, астрономии, географии и оптике. Рассуждая о причинах характерного для многих людей невежества, Бэкон утверждал, что только опыт (как в науках, так и в жизни), в отличие от авторитетного слова, может указать человеку верный путь познания. Мыслителя занимали вопросы техники: он предлагал изобрести летательные аппараты, телескопы, самодвижущиеся повозки. Традиция приписывала Бэкону создание «философского камня». После обвинения в колдовстве за ним закрепилась репутация мага и алхимика. Причиной тому была тесная связь естественнонаучных экспериментов и алхимических опытов синтеза новых веществ и получения благородных металлов (золото) из неблагородных (свинец).

К XIII–XIV вв. достигли расцвета не только естественные науки и богословие, но и «практическая философия»: синтетическая область знания, посвященная изучению природы, функций власти и механизмов ее осуществления, а также устройства общества, морального облика правителя и миссии церкви. В жанре «наставления государю» было подготовлено несколько фундаментальных трактатов: «Поликратик» Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180), «О правлении государей» Фомы Аквинского, «О правлении государей» и «О церковной власти» Эгидия Римского (ок. 1247–1316) проливающих свет на проблемы суверенитета и тираноубийства. Качественное изменение в развитии «политической науки», генетически связанной с античными правовыми и этическими учениями, произошло благодаря осуществленному Вильгельмом Мербекским (ок. 1215–после 1284) в 1260 г. переводу «Политики» Аристотеля. Стимулирующее значение имели также обширные своды по праву – «Декрет» Грациана (ум. ок. 1150); и философско-богословской мысли – «Сентенции» Петра Ломбардского. Наряду с трудами Цицерона и Аристотеля, главным источником развития общественных представлений и формирования канона «политической науки» в Средние века была Библия.

Под влиянием Св. Писания находилась и другая область латинской культуры: историописание. Разнообразные формы фиксации прошлого (летописи, хроники, деяния, истории, хронографии, анналы) ориентировались на изображение событий политической и духовной жизни прошлого и настоящего, на описание героических деяния государей и историй целых народов; и опирались они на христианскую концепцию конечности времени. Повествование начиналось либо с Сотворения мира, либо Рождества Христова (введенное в употребление Бедой Достопочтенным (679–735), заканчивалось как знаменательным событием прошлого, так и текущим моментом настоящего; исторические тексты имели эсхатологическую окраску: предчувствие скорого конца Света было необходимым элементом рассказа.

В средневековом историописании утвердилась определенная модель подачи материала, предполагавшая поэтапное описание развития человечества либо в свете «библейской генеалогии» (от Адама до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до пленения вавилонского, последние времена и конец Света), либо теории четырех сменяющих друг друга империй: вавилонской, персидской, македонской и римской.

Структура историографического нарратива содержала перечень не только реальных фактов, но и мифических и легендарных мотивов. Многие авторы предпринимали попытки подготовить исторический труд в свете библейских пророчеств (Иоахим Флорский, ум. 1202) или дать обзор всей Священной истории. Изложением ветхо- и новозаветных сюжетов занимался в XII в знаменитый французский интеллектуал Петр Коместор (ок. 1100–1178/1180), именовавшийся почетным титулом «доктор истории» (“*doctor historiarum*”). В его монументальной «Схоластической истории» средневековый читатель находил стройное повествование о временах глубокой Древности, комментированный пересказ библейской истории от Сотворения мира (книга Бытия) до пришествия Христа.

Идеализация прошлого, нередко присущая место в произведениях исторического жанра, нашла яркое воплощение в средневековой литературе. В XII–XIII в. в Западной Европе распространился «героический эпос», основанный на устной традиции, фольклорных преданиях и христианских представлениях о чести и долге. Воспевание мужества главного действующего лица соседствует с подробным описанием исторического, культурного и политического контекстов его деяний, направленных, как правило, на спасение отечества от врагов; комический и трагический, эпос совмещал прошлое и настоящее, мудрость предков и «историческую память» современников, он уходил своими корнями в глубокую (языческую) древность. Основной пафос «героического эпоса» состоит в патристическом воспевании доблести воина, сражающегося со злом.

Широкое хождение имели разнообразные «Песни о деяниях»: «Песнь о Роланде» (Франция), «Песнь о моем Сиде» (Испания) и «Песнь о Нибелунгах» (Германия).

В Средние века были популярны также «рыцарские романы» – один из ведущих жанров куртуазной литературы, генетически связанный с «героическим эпосом»; превозносящий верность вассала сюзерену, святость клятвы и долга; прославляющий идеалы дружбы и любви. Наибольшую известность получили романы о трогательной истории несчастной любви Тристана и Изольды, поисках Грааля (Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль») и произведения «Артуровского цикла», посвященные деяниям короля Артура и рыцарей Круглого стола.

Новое видение любви и воинской этики, характерное для «рыцарских романов», также было свойственно средневековым поэтам: – трубадурам (Бертран де Борн), труверам (Кретьен де Труа) и миннезингерам (Вольфрам фон Эшенбах), – превозносившим неземную красоту, грацию и добродетель дамы сердца, идеалы служения, и повсеместно проповедовавшим куртуазные ценности.

Значительную роль в развитии западноевропейской литературы играл «смеховой элемент», наиболее полно представленный во всевозможных, пародиях, фарсах, фавлях, шванках и, особенно, в остроумно-уничижительных стихах вагантов: бродячих клириков и школяров Франции, Англии, Северной Италии, обличавших быт и нравы духовенства, высмеивавших церковное богослужение и прославлявших свободный, не ограниченный рамками морали, образ жизни. К XII–XIII вв. они достигли расцвета, пользуясь огромной популярностью и порождая многочисленных литературных последователей и подражателей. Усиление комедийной составляющей жизни средневекового общества потеснило строгую религиозность, отразившись на повсеместном распространении театральных постановок, карнавалов и мистерий.

Развитие урбанистических центров, расцвет интеллектуальной и культурной жизни повлияли на формирование «городской литературы»: особого направления, основанного на народных баснях, песнях, пословицах, и представленного не только сатирическими («Роман о Лисе»), но и вполне серьезными учеными («Роман о Розе») произведениями.

В XII в. особой популярностью пользуются сочинения, ориентированные на широкого читателя: сказки, переложения, доступные по изложению агиографические и визионерские памятники. Распространяются написанные в различных жанрах произведения на народных языках, появление которых свидетельствует о постепенном вытеснении латыни из повседневной жизни западноевропейского общества, что нашло отражение, в частности, в творчестве Данте Алигьери (1265–1321) и росте патристического сознания.

Наряду с философией, естественными науками и литературой весьма динамично развивались средневековое искусство и архитектура. На смену испытывавшему глубокое византийское влияние «романскому стилю» (сер. IX–сер. XII вв.), для которого характерны отсутствие четкого канона и строгость, неизменную симметричность и плотность форм, малая освещенность (соборы в Пуатье и Майнце), приходит «готика». Устремленный ввысь готический собор явился новым словом в архитектуре: нервюрные своды, делающие внутреннее пространство более свободным и легким; витражи, служащие не только средством освещения храма, но и, прежде всего, визуальным свидетельством божественного Откровения. Собор, создававшийся под влиянием учения Псевдо-Дионисия Ареопагита (V – нач. VI вв.) об иерархической структуре мироздания и «метафизике света», философских и богословских учений XII–XIII вв. (мыслителей Шартрской школы), предстал в образе малой вселенной. Устройство храма, его символическое содержание, скульптурные композиции ветхо- и новозаветных персонажей (порталы) служили людям материализованным наставлением в христианском благочестии – «Библией в камне» и «суммой мироздания» [3].

Готические соборы Парижа, Шартра, Милана и Линкольна, имеющие ряд национальных отличий, – это шедевры средневековой культуры, плоды многолетних усилий мастеров (Виллара де Онекура) и художников. Особое значение в создании духовной атмосферы, внутреннего и внешнего убранства храма играют скульптуры, с течением времени приобретающие значительную выразительность и реалистичность, символизирующие борение души и тела, разума и веры, добродетели и порока.

Готический стиль оказал благотворное влияние на различные направления средневекового искусства, в том числе на манеру оформления миниатюр рукописных книг духовного и светского содержания. Утонченность и легкость форм, характерные для готики, с XIII в. получают воплощение в строительстве замков (Амбуаз), городских ратуш (Брюссель), университетских корпусов и частных домов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. 318 с.
2. *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. 359 с.
3. *Duby G.* Le temps des cathedrales. L'art et la société, 980–1420. Paris, 1976. 381 p.
4. *Duby G.* Les trios ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris, 1978. 428 p.
5. *Evans G. R.* The Language and Logic of the Bible. Cambridge, 1991. 199 p.
6. *Ferruolo S. C.* The Origins of the University. The Schools of Paris and Their Critics, 1100–1215. Stanford, 1985. 380 p.
7. *Jaeger St. C.* The Envy of Angels. Cathedral Schools and Social Ideas in Medieval Europe, 950–1200. Philadelphia, 1994. 515 p.
8. The Medieval Theologians. An Introduction to Theology in the Medieval Period / Ed. by G.R. Evans. Oxford, 2001. 383 p.
9. *Mews C. J.* Abelard and Heloise. Oxford, 2005. 308 p.
10. *Paul J.* Histoire intellectuelle de l'occident médiéval. Paris, 1973. 518 p.
11. Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. by Robert L. Benson, Giles Constable, Carol D. Lanham. Oxford, 1985. 781 p.
12. *Rorem P.* Hugh of Saint Victor. Oxford, 2009. 235 p.

Поступила в редакцию 20.04.17

A.K. Gladkov

CULTURE AND SPIRITUAL LIFE IN THE MEDIEVAL WEST (XI–XIII CENTURIES)

The article, reflecting the experience of working on the high school textbook “History of the Middle ages”, analyzes the development of intellectual culture of medieval West, philosophical and theological teachings, literary genres and styles and, in general, spiritual life of the XI–XIII centuries. The author relies on a wide range of sources and scientific researches of Russian and foreign medievalists, and examines the main tendencies in the evolution of culture, art, literature, law and religiosity within a common process of “spiritual revival” of medieval Western Europe. The article presents an account of views of medieval scholasticism’ representatives – Anselm of Canterbury (1033–1109), Hugh of Saint-Victore (1096/1097–1141), Peter Abelard (1079–1142), thinkers of the school of Chartres, Albert the Great (1200–1280), Thomas Aquinas (1225–1274) and others.

Keywords: medieval culture, scholasticism, philosophical theories, latin literature, theology.

Гладков Александр Константинович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник, специалист по истории
Европы Средних веков и раннего Нового времени
Учреждение Российской академии наук
«Институт всеобщей истории»
119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а
E-mail: gladkov2010@yandex.ru

Gladkov A.K.,
Candidate of History, Senior researcher Specialist
in European Medieval and Early Modern History
Institute of General History
of the Russian Academy of Sciences
Leninskiy prospect, 32a, Moscow, Russia, 119334
E-mail: gladkov2010@yandex.ru